

André Aciman

*EIGHT
WHITE
NIGHTS*

FARRAR, STRAUS AND GIROUX

New York

Андре Асиман

ВОСЕМЬ
БЕЛЫХ
НОЧЕЙ

Перевела с английского Александра Глебовская

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)
А90

EIGHT WHITE NIGHTS
by André Aciman

Книга издана с согласия автора и при содействии литературного
агентства Prava i Perevodi.

First published in the United States by Farrar, Straus and Giroux.

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное,
в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме
для частного или публичного использования
возможны только с разрешения правообладателя.

Асиман, Андре.

А90 Восемь белых ночей : [роман] / Андре Асиман ; пер. с англ. А. Глебов-
ской. — Москва : Popcorn Books, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-6044580-2-0

Новый роман от автора бестселлера «Назови меня своим именем»!

«Восемь белых ночей» — романтическая история о встрече в канун Рож-
дства и любви с первого взгляда. Молодым людям, познакомившимся на
вечеринке, суждено провести вместе восемь ночей, в ходе которых они то
сближаются, то отдаляются, пытаются понять свои истинные чувства в отноше-
нии друг друга. Мастерски исследуя тонкости человеческой природы, Асиман
вновь доказывает, что его по праву называют одним из главных американских
романистов современности.

УДК 821.111
ББК 83.3(7Сое)

Cover design by Magdalena Palej
© Grupa Wydawnicza Foksal, 2018
Monument Valley, USA
Credit: Martin Froyda / Shutterstock
High Angle View Of Illuminated Empire State
Building And Cityscape Against Clear Sky At Night
Credit: Andrew Barnhart / EyeEm / Getty Images
Copyright © 2010 by André Aciman
All rights reserved
© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2020
© Издание, оформление.
Popcorn Books, 2020

ISBN 978-5-6044580-2-0

Хочу поблагодарить Поля Леклерка, который поддержал меня в самый нужный момент; Центр поддержки ученых и писателей Дороти и Льюиса Калман при Нью-Йоркской публичной библиотеке, предоставивший мне на целый год кабинет; Яддо за его гостеприимство в прекрасном месяце июне два года подряд; моего редактора Джонатана Галасси, моего агента Линн Несбит, мою подругу Синтию Зарин — все они много сделали для создания этой книги. И, наконец, мою жену Сюзан, благодаря которой у меня есть корни, дом, жизнь, любовь и благословение, имя которым — семья.

Филипу.
*Luz u dulzura**

* Свет и радость (исп.). — Здесь и далее примеч. пер., кроме оговоренных случаев.

Ночь первая

Когда ужин перевалил за половину, я понял, что буду пересматривать этот вечер в мыслях, двигаясь вспять: автобус, снег, подъем по пологому склону, собор, замаячивший впереди, незнакомка в лифте, заполненная людьми просторная гостиная, где озаренные светом свечей лица лучились смехом и предвкушением, звуки фортепьяно, певец с горловым голосом, запах сосновой древесины повсюду (я бродил из комнаты в комнату, думая, что, наверное, нужно было сегодня прийти гораздо раньше, или немного позже, или вообще не следовало приходить), классические сепиевые гравюры на стене рядом с уборной; тут же за вращающейся дверью открывался длинный коридор, ведущий в хозяйские комнаты, не предназначенные для гостей, но сделай другой поворот в сторону прихожей — и он, как по волшебству, приводит обратно в ту же гостиную, а там толпа еще гуще, и, оборачиваясь от окна, где я вроде бы обнаружил тихое местечко

за большой рождественской елкой, она внезапно протянула мне руку со словами:

— Я — Клара.

«Я — Клара», произнесенное мельком, точно констатация совершенно самоочевидного факта, будто я давно в курсе или должен быть в курсе — и теперь, увидев, что я ее не признал или делаю вид, что не признал, она пытается помочь мне бросить притворство, привязать лицо к имени, которое наверняка упоминали при мне уже много раз.

В устах другого «Я — Клара» прозвучало бы как попытка завязать разговор, робкая, притворно-напористая, внешне небрежная, отстраненная, поданная как мысль, пришедшая задним числом, словесный эквивалент рукопожатия, в котором твердость и самоуверенность заученно воспроизводятся тем, что человек вкладывает силу в движение, по природе своей вялое и безжизненное. От человека застенчивого это «Я — Клара» потребовало бы такого напряжения души, что забрало бы на себя все силы — она бы разве что не испытала благодарности за то, что вы ничего не поняли.

Но в этом «Я — Клара» не было ни напора, ни нахальства, его дополнила хорошо отрепетированная лукавая улыбка человека, который слишком часто произносил эти слова, чтобы переживать за то, как именно они нарушат молчаливое уединение незнакомца. Натянуто, безразлично, устало и с оттенком насмешки — над собой, над мной, над жизнью, которая постановила, что представления должны быть такими вот натянутыми и сдержанными, — слова проскользнули меж нами, точно бессмыслен-

ная формальность, которую необходимо совершить, так почему бы и не сейчас, ведь мы стоим в стороне от тех, кто собрался в середине комнаты и того и гляди загорланит песню. Слова ее налетели на меня порывом ветра, который преодолевает все препятствия, распахивает все окна и двери, несет в себе, в самой середине зимнего месяца, аромат апрельских цветов, будоражит всех попавшихся ему на пути с мимолетной фамильярностью человека, который, обращаясь к другим, изображает полное безразличие и беспардонность. Она не ворвалась незваной, не проскочила несколько нудных этапов, однако в двух этих словах была нотка смятения и неистовства, в которой не отыскать ни неуместности, ни непреднамеренности. Слова идеально подходили к ее фигуре, к высокомерию ее вздернутого подбородка, к тонкой, как вуаль, алой блузке, распахнутой до точки схождения ключиц, к великолепию кожи, столь же гладкой и неприкосновенной, как одинокий бриллиант на тонкой платиновой цепочке.

Я — Клара. Слова ворвались без приглашения, точно зрительница, которая втискивается в переполненный зал театра за несколько секунд до подъема занавеса, всем мешая, но при этом явственно радуясь вызванному переполоху, и, как только она отыщет место, которое останется за ней до конца сезона, она снимет пальто, набросит его на плечи, повернется к новоявленному соседу и в попытке извиниться за причиненные неудобства, не слишком их подчеркивая, заговорщицки произнесет: «Я — Клара». Значит это: я — та самая Клара, которая будет тут появляться на протяжении всего года, так что давайте привыкать друг

к другу. Я — та самая Клара, про которую вы думать не думали, что она будет сидеть рядом с вами, но вот ведь сижу. Я — та самая Клара, которую вам очень захочется видеть здесь в тот самый единственный день каждого месяца до конца этого и любого другого года вашей жизни, я это знаю, примем это за данность, вы, понятное дело, пытаетесь не подать виду, хотя все поняли в тот самый миг, как меня увидели. Я — Клара.

В этих словах пересекаются задорное «Неужели вы раньше не знали?» и «Вы чего так смотрите?». Она будто бы наставляет, подобно фокуснику, который хочет обучить ребенка простому трюку: «Вот, возьми это имя, зажми в ладони покрепче, а когда вернешься домой, раскрой ладонь и подумай: “Сегодня я познакомился с Кларой”». Так можно предложить пожилому джентльмену дольку шоколада с орехами в тот самый момент, когда он того и гляди разворчится: «Прежде чем что-то сказать, откусите кусочек». Она пихнула вас в бок, но извинилась еще до того, как вы это почувствовали, так что даже и непонятно, что чему предшествовало, извинение или едва заметный тычок — а может, оба они слились в одном жесте, завившемся спиралью вокруг двух ее слов, точно откровенные угрозы убийством, закамouflированные под бессмысленные шутки. Я — Клара.

Жизнь до. Жизнь после.

Все, что было до Клары, показалось таким блеклым, полым, ненастоящим. То, что после Клары, пугало и завораживало — мираж водоема на другом конце долины с гремучими змеями.

Я — Клара. Единственная вещь, которую я усвоил твердо, к которой смогу возвращаться всякий раз, когда решу подумать о ней, и в этом напор, тепло, язвительность и опасность. В два слова уместилось все с ней связанное, как будто они были важным посланием, нацарапанным на обороте тонкого спичечного коробка, который вы засунули в бумажник только потому, что он будет всегда напоминать о том вечере, когда перед вами вдруг раскрылась некая мечта, некая непрожитая жизнь. Может, только о том и речь, об одной лишь мечте, но она всколыхнула столь свирепое желание обрести счастье, что я почти поверил: я действительно был счастлив в тот самый вечер, когда некто ворвался в мою жизнь, притащив за собой аромат апрельских цветов в самой середине зимнего месяца.

Сохранится ли то же ощущение, когда я уйду с вечеринки? Или мне удастся придумать хитрый способ сосредоточиться на мелких изъянах, они начнут меня донимать, заставят втягивать аромат этой мечты, пока она не выдохнется, не лишится лучезарности, а когда лучезарность истает, напомнит мне вновь, напомнит снова, что счастье — та единственная вещь, которую другим не дано привнести в нашу жизнь.

Я — Клара. Слова вызывали в памяти ее голос, улыбку, лицо, когда в тот вечер она исчезла в толпе, оставив за собой страх, что я ее уже утратил или просто придумал. «Я — Клара», — повторял я про себя, и она вновь становилась Кларой, стояла со мной рядом под наряженной елкой, напористая, теплая, язвительная, опасная.

А я — и это я понял через несколько минут после нашей встречи — уже репетировал расставание навсегда, уже га-

дал, как забрать это «Я — Клара» с собой, положить в ящик письменного стола рядом с запонками, воротничками, на-ручными часами и кошельком.

Я учился не верить в то, что это может продлиться еще пять минут, потому что у случившегося были все признаки нереальной, навеянной чарами интерлюдии, в которой новые возможности открываются с недопустимой легкостью и беспечно зазывают в некий закрытый круг, причем он и есть наша собственная жизнь — наша собственная жизнь в том виде, в каком нам хотелось бы ее прожить, а мы обманывали ее на каждом повороте; наша жизнь, наконец-то транспонированная в нужную тональность, пересказанная в правильном грамматическом времени, на языке, который отзывается в нас, конгруэнтен нам и только нам; наша жизнь, наконец-то ставшая реальной и лучезарной, поскольку она прозвучала не в нашем, а в чьем-то еще голосе, взята из чужой руки, уловлена на лице человека, который ну никак не может быть незнакомцем, но это все-таки незнакомка, она удерживает ваш взгляд своим, а тот говорит: «Сегодня я — лицо, на котором отражается твоя жизнь и то, как ты ее проживешь. Сегодня я — твои глаза, раскрытые в мир, который в ответ смотрит на тебя. Я — Клара».

Он означает: «Возьми мое имя и прошепчи про себя, а через неделю повтори его и посмотри — вдруг на нем выросли кристаллы».

«Я — Клара» — она улыбнулась, будто ее веселили чьи-то только что сказанные слова, и, все еще лучась радостью, почерпнутой из другого контекста, обернулась ко мне за той наряженной елкой и сообщила, как ее зовут, протянула

руку, сделала так, что мне захотелось рассмеяться удачной шутке, которой я сам не слышал, но которая исходила от человека, чье чувство юмора точно совпадало с моим.

Вот что означало для меня «Я — Клара». Создалась иллюзия близости, дружбы, прервавшейся ненадолго и возобновленной с воодушевлением — как будто мы встречались раньше, или пути наши пересекались, но мы почему-то не столкнулись, а теперь нужно во что бы то ни стало познакомиться, а значит, протянув мне руку, она сделала то, что надлежало сделать гораздо раньше, — можно подумать, мы выросли вместе, а потом потеряли друг друга или через многое вместе прошли — например, давным-давно были любовниками, вот только нечто позорное и тривиальное, например смерть, встало между нами, но уж на сей раз она ничего такого не допустит.

«Я — Клара» означало: я тебя уже знаю, это со счетов не сбросить, и, если ты думаешь, что рок не приложил к этому свою руку, ты заблуждаешься. Можем, если хочешь, ограничиться обычными светскими любезностями и сделать вид, что тебе это только померещилось, а можем все бросить, ни на кого не обращать внимания и, точно дети, которые в сочельник строят крошечный шатер посреди переполненной гостиной, шагнуть в мир, лучащийся смехом и предвкушением, где не бывает никаких невзгод, нет места стыду, сомнениям или страху, где все говорится в шутку и с подковыркой, потому что самые серьезные вещи очень часто являются в облинии шалости или шутки.

Я задержал ее руку в своей чуть дольше обычного, чтобы сказать, что я все понял, но выпустил скорее, чем следовало, — из страха, что понимать было нечего.

Таков был мой вклад, мое клеймо на этом вечере, мое запутанное прочтение простого рукопожатия. Если бы она умела читать у меня в душе, то проникла бы взглядом за это притворное безразличие и распознала безразличие иное, куда более глубинное, которое я не люблю развешивать, особенно в присутствии тех, кто двумя словами и взглядом за просто подобрал ключ ко всем моим тайникам.

Мне не пришло в голову, что человек, ворвавшийся в вашу жизнь, с той же легкостью способен вырваться и обратно, когда захочет; что та, что вламывается в концертный зал за несколько секунд до взмаха дирижерской палочки, может ни с того ни с сего встать и побеспокоить всех снова, сообразив, что сидит не в том ряду, а дожидаться антракта не намерена.

Я взглянул на нее. Взглянул ей в лицо. Оно мне было знакомо. Я собирался сказать: «Я тебя где-то видел».

— У тебя вид потерянный, — сказала она.

— Что, заметно? — ответил я. — По-моему, люди часто выглядят потерянными на вечеринках.

— Кто-то больше, кто-то меньше. Вон он — нет. — Она указала на джентльмена средних лет, беседовавшего с дамкой. Он опирался о наверняка поддельную каннелированную колонну с коринфской капителью, в руке держал прозрачное питье, стоял, едва ли не привалившись к этой колонне, и явно никуда не спешил. — У него совсем не потерянный. У нее тоже.

Я — Клара. Я вижу людей насквозь.

Она окрестила их «мистер и миссис Шукофф»; мистеру и миссис Шукофф аж не терпится сорвать с себя одежду, сказал он, подмигивая, и опустошил бокал, дай мне секундошку — и вперед.

Шукофф: люди, от которых не отвяжешься, хотя очень хочется, объяснила она. Мы рассмеялись.

А потом в манере, лишенной всяческой деликатности, Клара указала на даму за шестьдесят, в длинном красном платье и балетках из черной кожи.

— Бабуля Санта-Клауса. Ты только полюбуйся, — сказала она, указывая на широкий кожаный ремень с золотой пряжкой, охватывавший пузо бабули. А еще на ней был светлый парик, который когда-то явно был блестящим, по бокам он сваялся и затвердел в рога молодого бычка, загибавшиеся вокруг ушей. С мочек свисали две половинки крупных жемчужин в тонкой золотой оправе — миниатюрные летающие тарелки, но без зеленых человечков, так высказалась Клара. Даму она немедленно окрестила Муффи Митфорд, а потом принялась высмеивать эту Муффи Митфорд, причем привлекла к процессу и меня, будто ни на миг не сомневалась, что я соглашусь участвовать в этой тотальной диффамации.

Муффи говорит дребезжащим голосом. Дома Муффи носит голубые шлепанцы с помпонами, присовокупил я. Муффи носит под низ ночную рубашку, всегда под низ — ночную рубашку, добавила Клара. У Муффи нестриженный пудель по имени Сулейман. И муж по прозвищу Чип. А сыночек у нее, понятное дело, Пип. А дочка — Мими. Нет,

Пуффи, рифмуется с Муффи. Пуффи Бомон. Урожденная Монтебелло. Нет, Бельмон. Не завирайся, Шенберг, сказала Клара. У Муффи горничная-англичанка. Из Шропшира. Нет, из Ноттингема. Нет, из Восточной Англии. Из Ист-Коукера. Из Литтл-Гиддинга, поправил я. Из Бёрнт-Нортон, поправила она, а если подумать, скорее с Островов. С Майорки, добавила она. И звать ее типа Монсеррат, сказал я. Нет-нет. Долорес-Лус-Берта-Фатима-Консуэло-Хасинта-Фабиола-Инез-Эсмеральда — из тех имен, что никогда не кончаются, потому что вся их магия — в раскатке и каденции, они взмывают и всплескивают, а потом обрушиваются каскадом на фамилию столь же непритязательную, что и песок на пляжах Рокуэя: Родригес — тут мы зашлись от хохота, потому что увидели, как Муффи смеется и шевелит губами в такт певцу с горловым голосом, покачивая свободным концом пояса, свисающим, точно символ плодородия, с ее талии, а ее бокал мартини пуст — и она сказала, подмигнув и проглотив содержимое своего бокала, налейте мне еще, и стала смотреть, как я заливаюсь краской.

— Ты знакомый Ганса, да? — спросила она.

— А как ты догадалась?

— Ты не поешь. Я не пою. — Увидев, что до меня не дошло, она пояснила: — Знакомые Ганса не поют. Поют только знакомые Гретхен. — Она вытерла губы салфеткой, словно заглушая последние трепетания интимной шутки, которой не собирается делиться, но брызги которой обязательно должны до вас долететь. — Вот так все просто, — добавила она, совсем уж без всякой деликатности указывая

на гостей, сгрудившихся у пианино, — толпа вдохновенно голосила, подтягивая певцу с горловым голосом.

— То есть Гретхен музыкальнее своего мужа, — заметил я небрежно, только чтобы сказать что-нибудь, что угодно, даже если фраза заведет нас в неизбежное молчание. Ответ Клары разнес мои слова в клочья.

— Это Гретхен-то музыкальная? Да она ни одной мелодии не опознает, хоть ты ими пукай ей в уши. Вон посмотри: точно приросла к открытой двери и приветствует всех гостей, потому что не знает, что еще с собой делать.

Тут я внезапно вспомнил неловкое рукопожатие, небрежное приветствие, этот типичный поцелуй в щеку, который ближе к уху, — лишь бы свою косметику не размазать.

Слова ее меня взбаламутили, но я спустил их ей с рук, потому что не придумал ни ответа, ни возражения.

— А ты еще на их лица погляди, — не унималась она, указывая на поющих. Я посмотрел на лица. — Вот ты стал бы петь только потому, что на дворе Рождество и все разевают рты, как золотые рыбки-переростки, которым налили эгг-нога?

Я промолчал.

— Нет, серьезно, — добавила она, то есть вопрос оказался не риторическим. — Ты только погляди на всех этих Евро Шукоффых. Ну вылитые персонажи, которые вечно поют на рождественских вечеринках.

Я — Клара. Я умею язвить.

— Так и я пою — иногда, — вставил я некстати, пытаюсь наивностью и безыскусностью подражать тем, кто счи-

тал, что нет ничего естественнее, чем петь на вечеринках. Может быть, мне хотелось увидеть, как она откажется от своей инвективы, раз уж и я ненароком попал под обстрел. Или я просто ее дразнил и не хотел, чтобы она заметила, насколько ее циничное отношение к любителям хорового пения совпадает с моим собственным.

— Так и я пою, — произнесла она, поднимая брови, как будто я сказал что-то очень сложное, труднодоступное.

Она слегка кивнула, вдумываясь в глубинный смысл моих слов, и все еще взвешивала их, когда до меня внезапно дошло: она не говорила про себя, она просто повторила мои собственные слова: «Так и я пою» — и швырнула мне их обратно в лицо с издевательски-презрительным переливом: так побитый подарок возвращают в коробке, на которой красуется вмятина.

— Значит, ты поешь, — произнесла она, все еще обдумывая. Или она уже сдавала назад, выпустив свою отравленную стрелу?

— Да. Я иногда пою... — ответил я, стараясь не звучать самодовольно или слишком серьезно. Я сделал вид, что не уловил оскорбительной иронии в ее голосе, и уже собирался добавить: «В душе» — но вовремя сообразил, что во вселенной Клары пение в душе — это именно то, в чем все признаются, если их вынудили признать, что им *иногда* случается петь. Слишком уж предсказуемое высказывание. Я заранее слышал, как она раздергивает на нитки каждое клише в моей фразе.

— Значит, ты поешь, — начала она. — Тогда давай слушаем.